

Л.В. Евдокимова

“ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗЕРЦАЛО” ЖАНА ДЕ ВИНЬЕ: ПЕРЕВОД-КОММЕНТАРИЙ

ПЕРЕВЕСТИ — значит понять то, что написано на чужом языке, и как можно более полно выразить смысл написанного на своем, причем очень часто — не только пересказать, но и объяснить. Перевод и комментарий во многих случаях неотделимы друг от друга даже внешне, по существу же вообще нераздельны. В наши дни комментарии обычно помещаются вне текста перевода, но порой “просачиваются” в сам текст. В эпоху позднего Средневековья (XIV—XV вв.) отношения между переводом и комментарием были гораздо более тесными, причем, с одной стороны, существовали комментарии, к стволу которых прививались “переводческие ответвления”, с другой — толкующие переводы, включавшие существенную комментаторскую компоненту. В некоторых гибридных текстах комментаторская и переводческая составляющие были практически равноправными. Мы охарактеризуем наиболее яркие тексты такого рода, подробно остановившись на одном из толкующих переводов — “Историческом Зерцале” Винченца из Бове, в 1315—1332 гг. переведенном Жаном де Винье с латыни на французский.

Необособленность, нерасчлененность перевода и комментария в Средние века была предопределена некоторыми фундаментальными культурными факторами (для этого времени характерно отсутствие четких представлений об авторе и авторском праве, текст остается “подвижным”, нефиксированным), а также особыми формами общественной жизни. Специфический характер процесса преподавания, отношений между просвещенными и непросвещенными слоями, социальный статус и гендерная принадлежность заказчиков — все это прямо влияет на облик и содержание текстов, которые создаются переводчиком и комментатором. Как известно, в это время разрыв между образовательным уровнем клириков и мирян был весьма велик, так

что клирик нередко наделялся функциями просвещенного учителя, духовного наставника. Если он выступал в роли переводчика, то должен был не только пересказать мирянину содержание книги, но и объяснить, как эту книгу следует понимать. Создавая гибридные тексты, сочетавшие качества перевода и комментария, авторы опирались также на особую традицию комментирования, которая допускала широкое использование парафраз. Так, в комментариях псалмов, принадлежащих к жанру “*expositio*”, с парафразы порой начинается толкование отдельного стиха; бывает, что она используется комментатором по ходу толкования, в отдельных случаях составляя заметную часть комментария [например, у Проспера Аквитанского в толковании первых двух стихов Псалма 133 (134)]¹. Парафразу, вообще говоря, можно считать разновидностью перевода², — таким образом, в некоторых подобных комментариях переводческое начало присутствовало издавна. Эта традиция послужила основой для школьных комментариев эпохи позднего Средневековья — например, сопровождающих пособие по латинской грамматике “Учебник для мальчиков” (“*Doctrinale ruogum*”, ок. 1200 г.) Александра де Вилледье с комментарием Людовика де Гуаши (1482)³ и первопечатное издание комедий Теренция с комментарием Гвидо Ювеналиса (1493), также предназначавшееся для чтения на уроках латинского языка⁴. В обоих изданиях комментарии строятся сходным образом: парафразируется каждый стих, порядок слов становится прямым, слова сопровождаются синонимами (особенно многочисленными у Ювеналиса) — комментаторы, можно сказать, переводят сложный для учеников текст на облегченную школьную латынь. Учебник Александра де Вилледье предназначался для учеников третьей ступени (на первой и второй читали школьные версии грамматики, в которых большая часть параграфов была написана на народном языке и лишь некоторые, посвященные более сложному материалу, например склонению греческих существительных, — на латыни)⁵. Повидимому, на той же третьей ступени студенты читали и комедии Теренция с комментариями Ювеналиса, который в послании, сопровождающем его издание, подчеркивает, что оно предназначается для юношей, не слишком далеко ушедших в изучении

грамматики латинского языка⁶. В “Установлениях коллежа Монтегю” (1508), одного из известных парижских учебных заведений, Александр де Вилледье и Гвидо Ювеналис упоминаются в качестве авторов учебных пособий. Как следует из “Установлений”, на уроке учитель читал вместе с учениками несколько глав из книги Александра де Вилледье, а затем — фрагмент из какого-нибудь латинского поэта или оратора⁷.

В названных учебных изданиях комментарии фактически превращаются в “интралингвальные” переводы. Во французском “Историческом Зерцале” Жана де Винье — главном предмете нашего внимания — напротив, перевод включает весомую комментирующую компоненту⁸. Пролог к этому переводу, содержащий в основном изречения отцов церкви, свидетельствует о том, что общий замысел Жана носил дидактический характер. В этом можно убедиться, обратившись к источникам тех изречений, из которых Жан выстраивает пролог, — контекст, откуда они извлечены, помогает уточнить их смысл и лучше понять намерения автора, выбравшего из множества сентенций именно эти, а не другие, и составившего из них определенную композицию⁹.

В начале пролога приводятся высказывания, осуждающие праздность, в конце — рассказывающие о пользе моральных наставлений. Сам способ подбора цитат на одну тему напоминает тот, что практикуется во флорилегиях. Это сходство не случайно. Почти все цитаты Жан де Винье извлек из флорилегиев, входящих в текст его оригинала — “Исторического Зерцала”, над переводом которого он трудился. При этом он выбрал те изречения отцов — Иеронима, Августина, Бернарда Клервосского, которые обращены к монаху, прежде всего к молодому послушнику или к тому, кто лишь готовит себя к монашеской жизни. Таким молодым монахом был в начале работы над переводом сам Жан де Винье: парафразируя тексты отцов, он как бы объясняет свой жизненный выбор и косвенно излагает причины, по которым взялся за перевод именно этой книги.

Изречение Иеронима, включенное в пролог, представляет собой парафразу послания “К Рустику”; отрывки из этого сочинения приводятся в книге 16 “Speculum Historiale”. Иероним

наставляет юношу, намеренного стать монахом: главный способ борьбы с соблазнами — работа; праздный монах — легкая добыча дьявола, а к тому, кто трудится, нечистый не может подступиться; тут помогают и умственный, и физический труд, но всего важнее чтение Священного Писания. Это рассуждение Иеронима в тексте пролога отражено предельно сжатой, резюмирующей формулой, вообще говоря, не позволяющей установить источник, но поскольку в другом переводе, выполненном тем же Жаном де Винье, а именно в прологе к “Золотой легенде”, очень близком к интересующему нас прологу, мы находим более пространную, почти точную цитату из послания “К Рустику”, можно с уверенностью утверждать, что к этому посланию восходит и соответствующее место пролога к “Зерцалу”.

Винцент, “Speculum historiale”, lib. 16 ¹⁰	Жан де Винье, “Miroir historial”, ms. BN n.a.f. 15943, liv. 17	Жан де Винье, пролог к “Miroir historial”, ms. BN Fr.312	Жан де Винье, пролог к “Légende dorée” ¹¹
Adhuc de eodem. Cap. 22 Nunquam de manu et oculis tuis recedat liber. Corpus pariter animusque tendatur ad Dominum. Iram vince patientia. Ama scientiam scripturarum, et carnis vitia non amabis. Nec vacet mens tua variis perturbationibus [...]. Facito aliquid operis, ut semper diabolus inveniat te occupatum. [...]. In desideriis enim est omnis ociosus.	Le chapitre 22. De ce meimes Onques de ta main et de tes yeux le livre ne parte. Ton cuer et ton courage tent ensemble a dieu. Vainc ton ire par patience, aime science d’escripiture et hes vices du char. Ta pensee n’entende pas a diverses perturbacions. [...] Fais aucune chose touz jours si que dyable te treuve occupé. [...] Tout oyseux est en desirriers.	Pour ce que oyseuse est chose nuysant et atraiment de tous vices selonc ce que messire saint Jerosme temoigne en ses auctorites recitees en plusieurs livres de divinité... Как не раз показывает во многих своих духовных сочинениях досточтимый святой Иероним, праздность пагубна и притягивает к себе все пороки...	Me sire saint Jherosme dit ceste auctorité: “Fais toujours aucune chose de bien que le dyable ne te treuve oiseaux”. Досточтимый святой Иероним изрек: “Всегда свершай какое-нибудь благое дело, и дьявол не застигнет тебя праздным”.

Винцент, "Speculum Historiale", lib. 16 ¹⁰	Жан де Винье, "Miroir historial", ms. BN n.a.f. 15943, liv. 17	Жан де Винье, пролог к "Miroir historial", ms. BN Fr.312	Жан де Винье, пролог к "Légende dorée" ¹¹
Никогда не выпускай из рук книгу и не отводи от нее взора. Телом, равно как и духом, устремляйся к Господу. Обуздывай гнев терпением. Возлюби науку Священных Писаний, и тогда не будет в тебе любви к плотским порокам. Пусть в уме твоём не сыщется свободного места для всякого рода страстей и волнений [...] Справляй какую-нибудь работу, чтобы дьявол заставал тебя занятым делом. [...] Досужим овладевают похоти.	[Французский перевод близок к оригиналу]		

Итак, осуждение праздности, открывающее пролог к переводу "Зерцала", и контекст, из которого оно, судя по всему, извлечено, напоминают о чтении духовной литературы и медитации как важнейших средства борьбы с искушениями. Тем самым Жан де Винье не только обосновывает правильность своего жизненного выбора, но и указывает своему адресату (Иоганне Бургундской, возможно, супруге короля Филиппа VI¹²) прямой путь к спасению души. Ниже, парафразируя слова Августина, переводчик намекает на то, что его образ жизни полностью соответствует евангельскому учению и предписаниям отцов. В данном случае он дает точную

ссылку на сочинение Августина, которое пересказывает, — книгу "О трудах монахов" ("De opere monachorum"):

"Et vous pourrez se vous voulez trouver moult d'auctoritez qui font icest propos el livre De l'oeuvre des monies que missire saint Augustin fist" (ms. BN Fr.312).

«Если пожелаете, вы и сами найдете много подобных суждений в книге "О трудах монахов", которую написал досточтимый святой Августин».

Винцент, "Speculum Historiale", lib. 18, cap. 98–99	Жан де Винье, "Miroir historial", ms. BN n.a.f. 15943, liv. 19, chap. 98–99	Жан де Винье, пролог к "Miroir historial", ms. BN Fr.312
Idem in libro de opere Monachorum "Respice, inquit, volatilia coeli, quoniam non serunt", etc. (Matth, 6, 25). "Considerate lilia agri quomodo crescunt. Non laborant neque nent" (Matth, 6, 28). His verbis Evangelicis nonnulli non solum pigritiam, sed arrogantiam suam fovent qui operari nolunt. In eo autem quod dixit Apostolus qui non vult operari, non manducet (2 Thess, 3, 10); opera, inquirunt, spiritualia debemus accipere, quae et nos facimus, legimus cum fratribus, et oramus, alloquimur eos, et consolamur, et talia opera si non faceremus periculose a Domino alimenta ipsa spiritualia sumeremus. Sed [...] ipse (Apostolus. — Л. Е.) exemplo suo docuit, quod praecepit. Non, inquit, panem gratis ab aliquo manducavimus, sed in labore, et fame die ac nocte operantes, etc. (2 Thess, 3, 8) [...]	Chap. 98. Du labour des cloistriers ou livre De l'oeuvre des moines "Regarde, dist il, les oyseaux du ciel qui ne filent ne ne sement, ne ne queillent", etc. (Matth, 6, 25). "Considerez les lis du champs comment ils croissent", etc. (Matth, 6, 28). Par ces paroles de l'Evangile sont aucuns qui tant seulement ne nourrissent pas en eulz peresce, mais orgueil; qui ne veulent ouvrir contre ce que l'Apostre dist, que qui ne veult ouvrir, si ne menje point (2 Thess, 3, 10). Et il dient: "Nous	Et meismes mon seigneur saint Augustin commande que chascun puissant de labourer se paine de faire le labour, de quoy il se saura entremettre afin que il ne soit oiseus. Et de ce nous donnerent les apostres exemple. Car combien que ils fussent establis de par Dieu a enseigner le peuple, quant ilz avoient preeschie, ilz se metoient a labourer et du propre gaaing de leur labour se vivoient.

Винцент, "Speculum Historiale", lib. 18, cap. 98–99	Жан де Винье, "Miroir historial", ms. BN n.a.f. 15943, liv. 19, chap. 98–99	Жан де Винье, пролог к "Miroir historial", ms. BN Fr.312
<p>Сap. 99. De illis qui nollunt operari propter pigritiam, vel arrogantiam [...] Testem invoco Dominum Iesum in animam meam quoniam quantum attinet ad commodum meum, multo malle per singulos dies certis horis, quantum in bene moderatis monasterijs constitutum est, aliquid manibus operari, et caeteras horas habere liberas ad legendum et orandum, aut aliquid divinis literis agendum [...].</p> <p>Глава 98. Он же в книге о трудах монахов</p> <p>Христос говорит: "Взгляните на птиц небесных: они не сеют" и т. д. (Матф, 6, 25). "Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, не прядут" (Матф, 6, 28). Кто не хочет работать, прикрывает этими евангельскими словами не только свою лень, но и гордыню. О них и сказал Апостол: "Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь" (2 Фесс, 3, 10). Эти люди твердят: мы, мол, должны брать на себя духовные заботы, что и делаем, когда читаем вместе с братьями, молимся, разговариваем с ними и их утешаем. Если бы мы об этом не печались, едва ли бы могли и сами</p>	<p>devons prendre oeuvres esperitueles, les quelles nous faisons. Nous lisons avec nos frere et ourons, nous les arresonnons, nous les confortons. Et se nous [ne fesons] tiex oeuvres, nous prendrions perilleusement les nourrissemens esperitueux de Dieu". Mais [...] yceluy [l'Apétre. — Л. Е.] par son exemple enseigna ce qu'il commanda. Car il dist: "Nous ne menjons pas noient le pain d'aucun. Mais en travail et en fain jour et nuyt", etc. (2 Thess, 3, 8) [...]</p> <p>Сap. 99 De ceuls qui ne veulent ouvrir pour peresce ou pour arrogance [...] Je en apelle Dieu a tesmoing de m'ame que tant come il affiert a mon profit j'amerioie miex a certaines heures come il est establi es moustiers bien ordenez faire aucune chose de mes mainz et avoir ces autres heures franches a lire et ourer</p>	<p>Сам досточтимый святой Августин повелевает каждому, у кого есть силы, работать, занимая себя трудом, чтобы не оставаться праздным. Этому учили нас и апостолы собственным примером. Ибо хотя Господь заповедовал им наставлять народ, они после проповеди обрабатывали землю и жили трудами своих рук.</p>

Винцент, "Speculum Historiale", lib. 18, cap. 98–99	Жан де Винье, "Miroir historial", ms. BN n.a.f. 15943, liv. 19, chap. 98–99	Жан де Винье, пролог к "Miroir historial", ms. BN Fr.312
<p>получить от Господа духовную пищу. Но ведь Апостол сам показывал нам пример, делая то, чему учил [...] По его свидетельству, "ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работаю ночь и день" и т.д. (2 Фесс, 3, 8). [...] 731 Глава 99. О тех, кто не желает работать из лени или гордыни [...] Всей душой призываю в свидетели Господа нашего Иисуса Христа: что до меня самого, я более всего желал бы в определенные дни и часы заниматься каким-нибудь ручным трудом, а иное время освободить для чтения и молитвы или других занятий Священным Писанием — как и ведется в хорошо управляемых монастырях...¹³</p>	<p>ou a aucune autre chose faire des lectres devines... [Французский перевод близок к оригиналу]</p>	

Извлечения из этого сочинения приводятся в главах 98 и 99 восемнадцатой книги "Speculum Historiale". Как и Иероним, Августин обличает праздность. Комментируя послание апостола Павла (2 Фесс. 3, 6–12), он доказывает, что монахи не должны презирать физический труд. Наилучшим образом устроены те монастыри, где монахи выполняют разные задания, посвящая часть дня ручному труду, а часть — чтению, молитве, изучению Священного Писания. Вслед за Августином Жан де Винье ссылается на апостолов, учивших, что монах должен жить плодами своих трудов.

Упоминание благотворности физического труда в прологе, обращенном к королеве, вообще говоря, может казаться неуместным: разумеется, Жан де Винье ставит в пример апостолов, переходивших от проповеди к обработке земли, не ей, а самому себе и ему подобным. Как известно, он был “монахом-госпитальером ордена Святого Иакова Страстей Христовых” (Saint-Jacques de Haut Pas); при церкви этого ордена, построенной в Париже при Филиппе IV госпитальерами-итальянцами, существовал дом призрения¹⁴. Вероятно, Жан хочет сказать, что, несмотря на свои словесные и проповеднические дарования, он не отказывался и от простой работы — ухода за больными.

Помещая в конце пролога суждение Бернарда Клервосского, Жан, по-видимому, вдохновлялся главой “О наставлении послушника и любви к Христу” книги 28 “Speculum historiale”, представляющей собой огромный флорилегий, который составлен из речений этого святого; глава была извлечена Винцентом из “Эпистолы, или Трактата для братьев Мондье”, чьим автором в течение длительного времени считался Бернард; сейчас доказано, что ее автором был Гильом де Сен-Тьерри (Guillaume de Saint-Thierry)¹⁵. Должно быть, этот текст имеет в виду Жан де Винье, когда пишет, что Бернард в “одной своей эпистоле” призывает внимательно выслушивать *речи полезные и учащие добру, choses bonnes et profitables*, обдумывать их и следовать полученным советам: духовное чтение и последующая медитация очищают душу послушника, приближают его к Богу. Наиболее полезны для *новобранца Христова* книги не слишком сложные. Все это, с одной стороны, подчеркивает принадлежность “Исторического Зерцала” к числу книг духовного содержания (отметим, что в этом томе “Зерцала” и в самом деле есть немало глав, посвященных евангельским сюжетам и житиям святых, хотя содержание книги этим далеко не исчерпывается); с другой стороны, Жан де Винье косвенно указывает на несложность и доходчивость сочинения, которое он представляет своей покровительнице Иоганне Бургундской, а тем самым и на свойства собственного перевода.

Винцент, “Speculum Historiale”, lib. 28, cap. 103	Жан де Винье, пролог к “Miroir historial”, ms. BN Fr.312
<p>De informatione novitii et amore Christi [...] Animali vero et novo in Christo homini ad exercitanda eius interiora melius et tutius, proponuntur legenda et meditanda redemptoris nostri exteriora; ad ostendendum in eis exemplum humilitatis, provocatio charitatis, et affectus intimae pietatis, et de scripturis sanctis et sanctorum tractatibus Patrum moralia quaeque et planiora. Proponenda etiam ei sunt gesta vel passiones sanctorum ubi nec laborandum ei sit in planitie historiali, et semper aliquid occurat, quod novicii animum excitet ad amorem Dei, et contemptum sui. Porro aliae historiae delectant quidem cum leguntur, sed non aedificant: quin potius mentem inficiunt, in tempore orationis vel spiritualis meditationis inutilia quaeque vel noxia de memoria scaturire faciunt. <i>Lectiois quippe modum similis meditatio sequi solet.</i> Difficilium etiam lectio scripturarum fatigat, et non reficit teneriorem animum, frangit intentionem, hebetat sensum. Docendus est etiam in sua oratione sursum cor suum levare, spiritualiter orare: a corporibus vel corporum imaginibus cum Deum cogitat, quam longe potest recedere. Admonendus est quanta potest puritate cordis intendere in eum qui sacrificium orationis suae offert. Huiusmodi tamen homini oranti vel meditati, melius ac tutius (sicut iam dictum est) proponitur imago dominicae humanitatis, nativitatis, passionis, Resurrectionis, ut infirmus animus, qui non novit cogitare nisi corpora et corporalia, habeat aliquid cui se afficiat cui etiam iuxta modum suum pietatis intuitu inhaereat. [...] <i>Visitans hominem speciem suam non peccet, hoc est, humanam speciem in Deo cogitando, a vero non usquequaque recedat.</i> Итак, надо научить юную душу, новобранца Христова, тому, как приближаться к Богу, и тогда Бог приблизится к нему. [...] Нет ничего лучшего и более надежного для закалки юной души, недавно пребывающей со Христом, нежели <i>чтение деяний нашего искупителя и мысленное их созерцание.</i> Следует указывать такому юноше на то, что Христос дал нам пример смирения и, глубоко сострадав к человеку, явил ему свою любовь. Из Священного Писания и сочинений отцов церкви надо выбрать наиболее душеполезные и понятные места.</p>	<p>Et aussi comme messire s. Bernart dist en une epistre: “L’oreille bonne est celle qui volentiers escoute choses bonnes et proffitables. Et les choses oïes devise sagement. Et les choses devisees et entendues fait obediement”.</p> <p>Как говорит в одном из своих посланий святой Бернард, тот, кто наделен чутким слухом, охотно внимлет добрым и полезным советам. Все услышанное благоразумно принимает к сведению. И поступает в соответствии с тем, что усвоил и взял в толк.</p>

Винцент, "Speculum Historiale", lib. 28, cap. 103	Жан де Винье, пролог к "Miroir historial", ms. BN Fr.312
<p>Хорошо предложить послушнику такой рассказ о деяниях или мученичестве святых, при чтении которого не пришлось бы вспахивать равнину исторических знаний и в котором постоянно говорилось нечто пробуждающее в его душе любовь к Богу и презрение к самому себе. Конечно, есть и другие истории, доставляющие удовольствие, однако они не столь назидательны. Более того, такие истории скорее развращают ум: из-за них во время молитвы или медитации в памяти роятся бесполезные и даже вредные мысли. <i>За чтением, конечно, должно тотчас следовать подобающее размышление.</i></p> <p>Чтение сложных книг утомляет, ибо не дает юной душе отдыха, ослабляет внимание, притупляет чувства. Юношу же надо учить, как, молясь, устремлять свое сердце горе, то есть учить молитве духовной: иначе говоря, думая о Боге, насколько возможно удалиться от земного мира и житейских образов. Следует показать послушнику, сколь чистым сердцем должен обладать тот, кто совершает приношение своей молитвы. Как уже было сказано, тому, кто молится или погружен в созерцание, лучше всего внимать рассказам о вочеловечении Господа, его рождестве, страдании, воскресении, чтобы не вполне окрепшая душа, способная помышлять лишь о брэнном и телесном, обрела нечто такое, к чему могла бы прилепиться и, как к своему образу, обратила полный любви взор. [...] <i>Человек, сознающий свою красоту, познавший ее в мысленном созерцании Бога, не согрешит, ни на пядь не отступит от истины.</i></p>	

Как мы убедились, в прологе к "Зерцалу" Жан де Винье специально подчеркивает духовный характер той книги, которую переводит. В высшей степени показательно и то, как Жан рассказывает содержание "Исторического Зерцала": *"Моя книга... состоит не из вымыслов и шуток, но из правдивых рас-*

сказов, входящих в библейские книги Бытия и другие канонические сочинения римской церкви, а также из авторитетных суждений и историй древних святых отцов, к которым я не добавил ни единого лживого слова"¹⁶. По существу в этой суммарной характеристике переводчик искажает (как кажется, намеренно) содержание переведенного им сочинения, ведь "Зерцало" включало и совсем иной материал: огромный флорилегий из античных писателей и философов, главы, посвященные событиям древней и современной истории. Сам Винцент из Бове в "Апологетической книжице" ("Libellus apologeticus"), пространном общем вступлении к "Зерцалу", посвятил этим разнородным слагаемым отдельные главы, специально уточнив, что их авторы обладают "неодинаковым авторитетом"¹⁷.

Стремление Жана де Винье оттенить душеполезный, христианский характер своей книги заметно и в том, как он объясняет название "Зерцало". Вообще говоря, сравнение книги и зеркала, непосредственно почерпнутое Жаном из "Апологетической книжицы" Винцента, имеет давнюю традицию, восходящую к Сенеке, Новому завету¹⁸ и, далее, к некоторым отцам церкви, в частности Григорию Нисскому и Августину¹⁹. Зерцало осмыслялось в первую очередь как инструмент, позволяющий человеку разглядеть свои недостатки и избавиться от них. Позднее разглядывание зеркала уподобляется, с одной стороны, интроспекции: смотрясь в него, человек созерцает собственную душу; с другой — непрямо (т. е. "каторптическому", по терминологии Э.М. Ионссона) созерцанию сверхчувственного: погружаясь в себя самого, человек видит отражающуюся в душе реальность, недоступную для земного зрения. В XII в. термин "зерцало" становится ключевым в полемике цистерцианцев и викторинцев, сторонников схоластического метода. Бернард Клервосский и его последователи настаивают на первостепенном значении интроспекции как пути к обожению; в противоположность им викторинцы подчеркивают значение "внешнего зеркала" — тварного мира во всем его разнообразии, истории человечества во всей ее полноте, — созерцая их, человек косвенным образом видит и отраженный свет Творца. Как показывает Э.М. Ионссон, последний смысл термина "зерцало" актуализован у Винцента из Бове²⁰. Жан де Винье, включая в пролог сравнение книги и зеркала под влиянием "Аполо-

гетической книжицы” Винцента, модифицировал его в соответствии со своим замыслом. Винцент пишет о полноте книги, которая подобно зеркалу отражает всю полноту видимого и невидимого миров. Жан де Винье в упрощенной форме повторяет это сравнение, но помещает его на второй план; на первый же выдвигает иное объяснение сходства между книгой и зеркалом, укорененное не столько в богословской, сколько в этической традиции: читая книгу, человек как бы разглядывает себя в зеркале, видит пятна на своей коже — иначе говоря, свои душевные пороки.

Жан попытался соединить два разных определения книги-зеркала: в результате его дефиниция распадается, оказывается не вполне логичной. Ясно, что он, в отличие от Винцента, стремился в большей степени привлечь внимание к нравственной полезности своего труда, замечательного не столько полнотой, сколько способностью исцелять душевные пороки — отсюда и возникшая неувязка.

Libellus apologeticus ²¹	Жан де Винье, пролог к “Miroir historial”, ms. BN Fr.312
<p>[...] opus [...] Speculum majus appellari dercrevi : Speculum quidem, eo quod quicquid fere speculatione id est admiratione vel imitatione dignum ex hiis que in mundo visibili vel invisibili, ab initio usque ad finem, facta vel dicta sunt, sive etiam adhuc futura sunt, ex innumerabilis fere libris colligere potui, in hoc uno breviter continentur ...</p>	<p>Car aussi comme l'omme ou la femme puet veoir el mireoir materiel en quoy l'en se mire toutes les taches et autres choses qui en lui sont apparens, aussi puet l'en veoir ou dit livre toutes les hystoires du monde des le commencement que nostre sires Ihucrist le forma de noient jusques au jour que le livre fu fait.</p>
<p>[...] этот труд я решил назвать “Большим Зерцалом”. Слово же “Зерцало” выбрал потому, что смог здесь собрать воедино выдержки из бесчисленного числа книг и кратко рассказать обо всем, что было сказано или совершено или чему еще только предстоит совершиться, от самого начала до самого конца, в мире видимом и невидимом — обо всем, что достойно созерцания — то есть восхищения и подражания.</p>	<p>Подобно тому, как мужчина или женщина, глядясь в обычное зеркало, может увидеть все пятна на своей коже и разглядеть весь свой внешний облик, — так в этой книге можно найти все истории, какие только случились в мире с тех пор как Господь наш Иисус Христос создал его из ничего и до самых последних дней, в которые эта книга была написана.</p>

В прологе к “Зерцалу” Жан де Винье цитирует не только духовных авторов: “И сам Овидий в своей книге о лекарствах говорит: кто желает скрыться и уклониться от стрел, летящих из лука пороков и грехов, тот должен избавиться от праздности” (“Et Ovide meisme dit ou livre de remedies que qui veult fouir et eschiver les ars de vices et de pechié, il doit oster oiseuse d'entour soy”). Этот стих Овидия Жан нашел все в том же “Speculum Historiale”, а именно в главе 114 книги VII, куда помещены “цветочки”, извлеченные из “Лекарства от любви”. Перевод Жана звучит следующим образом: “Se tu ostes oisiveté, les ars d'amours periront” (“Если изгонишь праздность, стрелы, пущенные из лука любви, не достигнут цели”)²². Как мы уже говорили, Винцент из Бове, будучи философом эпохи схоластики, изменяет привычную шкалу ценностей, в определенной степени уравнивая церковных и светских писателей. Жан де Винье не столь смел: раскрывая в прологе аллегорический смысл овидиевской метафоры, он пишет не о луке Купидона, как Овидий, и не о луке любви, как следует ниже в его собственном переводе овидиевских “цветочков”, но о луке пороков и грехов, стрел которого можно избежать, если изгнать праздность.

По всей видимости, не случайно в прологе к “Зерцалу” Жан де Винье называет свой перевод *толкованием книги*, используя тот же самый термин (*exposition*), который обычно использовался в названиях комментариев: “Et se aucune chose de faute y avoit par la debilité de mon sens, je pri et requier a touz ceulz qui orront ou lirront l'exposicion du livre que il leur plaise a souplier la bonne volonté pour le fait” (“А если и обнаружится здесь какая-либо ошибка, вкравшаяся по моему неразумию, то настоятельно прошу всех, кто услышит или прочтет толкование этой книги, чтобы они соблаговолили принять во внимание мое благое намерение, но не его осуществление...”). Слова *exposition*, *exposer* используются в прологах и другими переводчиками, однако всегда вместе с какими-либо поясняющими терминами; так, Николь Орем в прологе к переводу аристотелевской “Политики” характеризует свой труд при помощи глаголов *translater* и *exposer* (*переводить* и *толковать*): “...ai je cest livre [...] de vostre commandement translatee de latin en françoys, exposé diligeanment et mis de

obscurité en clarté...” (“по вашему повелению я перевел эту книгу с латинского на французский, со тщанием истолковал ее и благодаря вашему попечению сделал ясным темное сочинение”) ²³. Не сопровождая термин *expositio* другими словами, Жан де Винье, похоже, делает упор на комментаторскую компоненту своего труда и акцентирует связь между ним и комментариями, относящимися к жанру “*expositio*”.

Как же решает Жан де Винье свою задачу переводчика-комментатора? В его переводе синтаксические и семантические кальки соседствуют с синтагмами, переведенными очень вольно. По-видимому, первые удостоверяют, что переводчик передает “подлинные слова” древнего автора, а вторые — словосочетания, для которых в оригинале нет эквивалентов, — представляют своего рода “комментарий”. Вообще говоря, сосуществование различных переводческих приемов характерно для “*Miroir historial*” в целом, причем в собраниях “цветочков” из античной поэзии калек особенно много. Это объяснимо: в соответствии с давней традицией Жан де Винье считает античных поэтов философами, которые в иносказательной форме открывают читателям моральные и богословские истины ²⁴.

При переводе поэтических флорилегиев Жан де Винье в основном следует подборке цитат, вошедшей в “*Speculum Historiale*”, сокращая ее лишь в редких случаях ²⁵. Кроме того, в тексте Жана, как и у Винцента, синтаксически соединены цитаты из разных мест какого-либо стихотворения и даже из разных стихотворений. Такие синтаксические “стяжки” по большей части обусловлены тем, что подборка цитат из античных поэтов, составляющих флорилегии Винцента, почти целиком восходит к более раннему “Галльскому флорилегии” ²⁶. В тексте Жана “стяжки” встречаются чаще, чем в известном нам издании “Зерцала” 1624 г. Однако между этим изданием и переводом Жана немало и других расхождений — вне всякого сомнения, он располагал рукописью “Зерцала”, в которой текст флорилегиев из античных поэтов был существенно иным, менее близким к современной текстологической традиции, и это различие нельзя безоговорочно объяснять целенаправленной деятельностью пере-

водчика: Жан мог либо следовать имевшейся у него рукописи “*Speculum*”, либо не отдавать себе отчета в том, что он переводит цитаты из разных произведений, — последнее легко представимо, поскольку стихи в средневековых рукописях часто записывались без разбиения, в одну строку.

О том, что внес в текст сам переводчик, можно судить на основании других расхождений между “*Miroir historial*” и латинским “*Speculum*”. Например, Жан усиливает связь между “сросшимися” цитатами с помощью различных лексических средств. Он иногда опускает отдельные эпитеты или второстепенные члены предложения. Кроме того, он дополняет перевод словами, для которых нет соответствий в оригинале, или же подыскивает для перевода не вполне адекватные лексические эквиваленты. Все это “христианизирует” переводимый текст и придает ему выраженную дидактическую направленность (или усиливает дидактические ноты оригинала). Подобный подход к переводу лирической поэзии, вообще говоря, был достаточно распространенным. Именно так переводились, например, в XIII—XIV вв. вставные стихотворения из “Утешения Философией” Боэция, терявшие в переводах живописность и насыщавшиеся дидактическими интонациями.

Особенности подхода Жана де Винье к переводу цитат из античных поэтов лучше всего рассмотреть на примере главы, включающей фрагменты из “Искусства поэзии” Горация. Эта глава представляет интерес, в частности, как одна из средневековых рецепций важнейшего памятника мировой литературы, оставшаяся влиятельной в течение длительного времени (“Зерцало” в переводе Жана несколько раз переиздавалось вплоть до 30-х годов XVI в.). Гораций в изложении Жана де Винье приобретает отчетливую христианскую окраску. Так, Жан лексически и синтаксически соединяет два разных латинских стиха, превращая их в сентенцию о неизбежной смерти и грядущем Страшном суде: “*Mortalia facta peribunt*”, v. 68 (“Все, что смертно, то должно погибнуть” ²⁷) и “*Et adhuc sub iudice lis est*”, v. 78 (“Но и донныне их тяжба осталась еще нерешенной”). У Жана: “*Les fais mortieux periront et encore est la plaiderie souz le juge*” (“Все бренное сгинет, и всем предстоит еще стать перед судьей”).

Переводя знаменитые стихи о горе, рождающей мышь, Жан прежде всего стремится указать на непреодолимость границы между высоким и низким стилем. У Горация (и Винцента) речь идет всего лишь о неудачливом подражателе Гомера: “*Quid feret hic dignum tanto promissor hiatu? / Parturient montes, nascetur ridiculus mus*”, v. 138–139 (“*Чем обещанье исполнить, разинувши рот столь широко? / Мучило гору, а что родилось? Смешной лишь мышонок!*”); Жан же противопоставляет творца великих произведений и язвительного насмешника (*escharnisseur*), пишущего о низких предметах: “*Cestui prometeur convoitera aucune chose digne par grant esbaïement. Les montaignes enfanteront. Un escharnisseur sera nez es basses choses*” (“*Гораздый на посулы сочинитель охвачен великим восторгом, желает создать нечто достойное: горы рождают. Для низких предметов нужен язвительный насмешник*”). Перевод Жана соответствует рекомендациям средневековых поэтик, согласно которым смешение высокого и низкого стилей считалось недопустимым.

Известное перечисление типических черт мальчика и юноши (ст. 158–165) становится в переводе Жана грозной инвективой. В данном случае переводчик, возможно, следует испорченной рукописи “*Speculum*” и/или не вполне понимает текст Горация. Поэтому вместо *безбородого юноши* (*imberbus juvenis*; v. 161) появляется упоминание некой *силы*, которой подобает жить в *траве* (быть может, это перевод словосочетания *in herbis vis*, которое Жан ошибочно прочел вместо *imberbus juvenis*). У Жана нет *залитого солнцем поля* (*argisi ... campī*; v. 162), но есть *маленькие кабаны* (видимо, здесь так или иначе спутались латинские слова “*argiscus*”, *солнечный* и “*aper*”, *кабан*). В то же время Жан, как и в других случаях, желает разъяснить читателю моральный смысл отрывка: он сравнивает мальчика с бездумно резвящимся кабаном, которого укрощает наставник. Переводчик выносит своему герою суровый приговор, называя его *безумным расточителем*, чего нет у Горация; простое нравоописательное наблюдение (юноша-де готов в мгновение ока бросить то, что любит) заменено в переводе дидактическим императивом: *оставь то, что любишь*.

Винцент, “ <i>Speculum Historiale</i> ”, lib. 6, cap. 67	Жан де Винье, “ <i>Miroir historial</i> ”, liv. 7, chap. 67, ms. BN Fr.312
<p>Reddere qui voces iam scit puer, et pede certo Signat humum, gestit paribus colludere, et iram Colligit, ac ponit temere, et mutatur in horas. Imberbis iuvenis tandem custode remoto, Gaudet equis, canibusque, et aprici gramine campi; Cereus in vitium flecti, monitoribus asper, Utilium tardus provisor, prodigus aeris: Sublimis cupidusque, et amata relinquere pernix (v. 158–165).</p> <p>Мальчик, который уж знает значение слов и умеет Твердо ступать по земле, — он ровесников любит и игры; Вдруг он рассердится, вдруг и утихнет и все ненадолго. Юноша, коль от надзора наставника он уж свободен, Любит коней и собак и зеленое Марсово поле; Мягче он воска к пороку, не слушает добрых советов, Медлен в полезном и горд и сорит расточительно деньги. Пылк в желаньях, но скоро любимую вещь оставляет.</p>	<p>L’enfant qui scet ja rendre les voix et a pié certain merche la terre et prent casser ire avec ses pers, il queult et met folement et est mué es oreilles. Force, vif en herbe! En la parfin la garde oostee, elle s’esjoist as chevaus et as chiens; et les petis sengliers par l’herbe du champ, le senglier convoitant estre tourné en cure par amonnesteurs. Tu, tardif pourvoier de choses proffitables, sera fol larges, laisse les choses amees!</p> <p>Ребенок, хорошо знающий слова и уверенно ступающий по земле ножками, затевает ссору со сверстниками. Бездумно хватает что-то и бросает; его дерут за уши. Сила, живи в траве! Едва воспитатели уйдут, она радуется лошадям и собакам. Маленькие кабаны [резвятся] в полевой траве; кабану нужно, чтобы о нем позаботились наставники. О, безумный расточитель, небрегущий полезными вещами, оставь то, что любишь!</p>

В конце этой главы переводчик выносит суровый приговор и самим поэтам (ст. 376; 333–334). Как и в других случаях, он лексически и синтаксически соединяет стихи, не связанные между собой по смыслу. Кроме того, он, видимо, переводит очень краткий и изолированный фрагмент из “Искусства поэзии”, который вне контекста не так прост для понимания. Гораций устанавливает параллелизм между, с одной стороны, посредственны-

ми поэтами, с другой — плохой музыкой и скверными запахами, которые мешают наслаждаться праздничным ужином. Цитата из “Speculum” могла быть понята таким образом, что ужин отлично пройдет, даже если поэты не будут на него приглашены. Жан пишет не об ужине (“сена”), но о “земле” (“terre”) и относит осуждение Горация ко всем поэтам без исключения. Наконец, он дополняет перевод словами, отсутствующими в оригинале, проясняя моральный смысл фрагмента.

Винцент, “Speculum Historiale”, lib. 6, cap. 67; ms. B.M. Douai 797*	Жан де Винье, “Miroir historial”, liv. 7, chap. 67, ms. BN Fr.312
<p><i>Offendunt: poterat duci, quia caena sine istis</i> (v. 376). <i>Aut prodesse volunt aut delectare Poetae:</i> <i>Aut simul et iocunda et idonea dicere vitae</i> (v. 333–334).</p> <p>Оскорбляются, поскольку ужин мог бы пройти и без них; ст. 376. Или полезными быть, иль пленять желают поэты, Или и то, и другое: полезное вместе с приятным; v. 333–334</p> <p>[*В издании 1624 г. этот фрагмент дополнен другими стихами и, следовательно, позволяет понять, что во время праздничного обеда докучают не поэты, но плохая музыка и дурные запахи]</p>	<p>Les poetes se courroucent car la terre pouvoit bien estre demenee sans eulz: ou euls ne vuelent proffiter ou deliter, ou dire ensemble les joieuses et convoitables choses de leur vies.</p> <p>Поэты в гневе — ведь не они правят землей: они не хотят либо приносить пользу и удовольствие, либо сообщать о своей жизни нечто занимательное и достойное подражания.</p>

Как видим, Жан склонен ценить “авторитетные суждения” поэтов не менее, чем изречения отцов. Он открывает читателю “моральный смысл” “цветочков”, извлеченных из сочинений Горация, показывая, что этот поэт разумно судил о жизни и его советы могут быть полезны для автора-христианина.

Итак, комментарий может превращаться в перевод в учебных изданиях, предназначенных для низшего слоя образованных людей — молодых клириков. Перевод сближается с комментарием в

изданиях, предназначенных для необразованных мирян. В таком переводе пояснений тем больше, чем ниже предполагаемый образовательный уровень адресата. Отсутствие маркеров, вводящих пояснения (слов “то есть”, “а именно” и им подобных), указывает на то, что переводчик не ждет от читателя сопоставления перевода с оригиналом. В этом отношении “Историческое Зерцало” в переводе Жана де Винье контрастирует, например, с переводом “Утешения Философией” Жана де Мена, посвященного французскому королю Филиппу IV, где глоссы регулярно маркируются специальными словосочетаниями. Не случайно этот последний перевод во многих рукописях опубликован параллельно с латинским текстом: вероятно, и сам Филипп IV, и другие заказчики таких рукописей в какой-то степени знали латынь. Перевод Жана де Винье посвящен королеве, которая в силу своей гендерной принадлежности находится на более низкой образовательной ступени: оригинал такому адресату не нужен, а быть может, с точки зрения переводчика, и вреден. По-видимому, особые притязания Жана де Винье на роль духовного наставника также способствуют развиту комментирующей компоненты его перевода.

- 1 PL, t. 51: (Vers. 1.) *Ecce nunc benedicite Dominum, omnes servi Domini. Qui statis in domo Domini, in atris domus Dei nostri. Nunc, inquit, id est, in hoc tempore tribulationum et angustiarum, in tempore persecutionum et lacrymarum, benedicite Dominum, omnes qui uno corde, et uno spiritu, in confessione et in laude Domini permanetis; stantes, id est, perseverantes in latitudine fidei, et spei, et charitatis. — Благословите ныне Господа, все рабы Господни, стоящие в доме Господнем (во всех дворах дома Бога нашего). Он [псалмопевец] говорит: ныне, то есть в это время мучений и гонений, во время преследований и рыданий, благословите Господа все, кто, соединившись сердечно и душевно, пребывает в исповедании веры и восхвалении Господа; стоящие, то есть упорствующие в неиссякаемой вере, надежде и любви. Ср. также комментарий Проспера к псалму 120 (121), ст.1–2, включающий парафразу.*
- 2 К. Буридан называет парафразы (например, изложения каких-либо трудных для понимания текстов менее архаичным или менее сложным стилем) “интерлингвальными переводами”. См.: *Buridan C. La ‘traduction intralinguale’ en moyen français à travers la modernisation et le rajeunissement des textes manuscrits et imprimés: quelques pistes et perspectives // Le Moyen Français. Traduction, dérivation, compilation (Actes du Colloque international, Université de McGill). Montréal, 2000. 2–4 octobre. T. 51–53. P. 113–157.*

- ³ Учебник сохранился в сотнях рукописей и 260 первопечатных изданиях, вышедших с 1470 по 1520 г. “Doctrinale” — поэма, написанная гекзаметрами и восходящая главным образом к грамматике Присциана, — содержит рассказ о склонениях, глагольных формах, а также о просодии, порядке слов и некоторых риторических фигурах. Об этой грамматике см., в частности: *Colombo Timelli M.* Tra insegnamento del latino e codificazione di una lingua volgare: rifacimenti francesi dell’Ars minor di Donato // Italia ed Europa nella linguistica del Rinascimento. Modena, 1996. V. 1. P. 173–185; *Chevalier J.-C.* Grammaire latine médiévale // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P., 1992. P. 569. См. также издание “Doctrinale” 1482 г.: Alexander Gallus. Doctrinale puerorum. Cum commento (Ludov. de Guaschis). Venetiis, Manfr. de Bonellis de Monteferato, 1482 (доступно в интернете: сайт парижской национальной библиотеки: www.bnf.fr). Комментарий Людовика де Гуаши переиздавался шесть раз — с 1482 по 1498 г. См.: *Hellinga L.* Incunabula: The Printing Revolution in Europe, 1455–1500. Author Index: www.library.utoronto.ca/robarts/microtext/collection/pages/incunbul.html. В Приложении мы приводим фрагмент из вступительной главы “Учебника для мальчиков” с глоссой Людовика де Гуаши.
- ⁴ Terentii comediae sex, a Guidone Juvenale explanatae, et a Jodocho Badio, cum annotationibus suis recognitae. Lyon, Trechsel, 1493; BN: RES-M-YS-384 (издание доступно на сайте: www.bnf.fr). Ювеналисовский комментарий к комедиям Теренция впервые был издан в Париже в 1492 г., после чего его перепечатывали во французских изданиях Теренция вплоть до 1500 г. (за исключением одного издания 1499 г.), а в отдельных случаях и много позже. См. о нем статью: *Евдокимова Л.В.* Комментарий к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения / Отв. ред. Л.В. Евдокимова. М., 2006. С. 161–214.
- ⁵ См. публикацию некоторых школьных версий грамматики Доната в кн.: *Colombo Timelli M.* Traductions françaises de l’Ars minor de Donat au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Firenze, 1996.
- ⁶ *Евдокимова Л.В.* Указ. соч. С. 164, 193–194. В Приложении мы приводим отрывок из комедии Теренция “Девушка с Андроса” с глоссой Ювеналиса.
- ⁷ *Lecoine J.* La poésie parmi les arts au XVIe siècle // Poétiques de la Renaissance. Le modèle italien, le monde franco-bourguignon et leur héritage en France au XVIe siècle. Genève, 2001. P. 55, note 181. Statuts du Collège de Montaigu; фрагменты: Ibid. P. 82–84.
- ⁸ “Историческое Зерцало” — четвертый том “Великого Зеркала” Винченца из Бове. В настоящее время выделяют пять редакций “Великого Зеркала”, последняя из которых включает четыре тома — зеркала “природное”, “научное”, “моральное” и “историческое”, причем считается, что третий том был написан последователями Винченца по его материалам. О различных редакциях “Speculum Historiale” и о том, как велась работа над этой книгой, см.: *Voorbij J.B.* The ‘Speculum Historiale’: Some Aspects of its Genesis and Manuscript Tradition // Vincent de Beauvais and Alexander the Great. Gröningen, 1986. P. 11–58; *Paumier-Foucart M.* avec la collaboration de M.-C. Duchenne. Vincent de Beauvais et le Grand Miroir du monde. Brepols, 2004. P. 7–118. См. также: *Lusignan S.* Préface au Speculum majus de Vincent de Beauvais : réfractations et diffractations, Montréal; P., 1979. P. 51–58; 72–74. “Историческое Зерцало” представляет собой изложение всемирной истории начиная от сотворения мира; в пятой редакции повествование доходит до 1253 г. Наряду с историческими главами, этот том включает целый ряд флорилегиев — собраний цитат из произведений языческих и христианских авторов. Главы и книги этих флорилегиев, включенные в общий рассказ об исторических событиях, следуют в хронологическом порядке. Научного издания “Великого Зеркала” не существует; не разработана и классификация его рукописей. Последнее печатное издание “Великого Зеркала” вышло в 1624 г.; в 1964 г. оно было воспроизведено факсимильным образом (“Speculum maius”. Graz, 1964–1965. Т. 1–4; fac-sim. de l’éd. Douai, 1624). Перевод Жана де Винье (1282/85 — ок. 1350), монаха-госпитальера парижской церкви Святого Иакова Страстей Христовых (Сан-Жак де-О-Па), был сделан с пятой редакции латинского текста приблизительно в 1315–1332 гг. О датировке перевода см.: *Brun L., Cavagna M.* Pour une édition du Miroir historial de Jean de Vignay // Romania. 2006. Т. 124. P. 394–398. Л. Брэн и М. Каванья готовят научное издание этого перевода; первый том выйдет в 2009 г. Последнее печатное издание французского “Исторического Зеркала” вышло в 1532 г. Жан де Винье — плодотворный автор, создавший, как считается, 12 переводов. Наиболее полный их обзор содержится в статье: *Knoules C.* Jean de Vignay. Un traducteur du XIVe siècle // Romania. 1954. Т. 75. P. 353–383. Перечень переводов Жана де Винье, а также библиография работ о них приводится в электронной публикации Л. Брэна: http://www.arlima.net/il/jean_de_vignay.html.
- ⁹ В недавно опубликованной статье К. Круази-Наке, посвященной прологам Жана де Винье, источники цитат или парафраз не исследуются. См.: *Croizy-Naquet C.* Constantes et variantes de l’exorde chez Jean de Vignay // Seuils de l’œuvre dans le texte médiéval. P., 2002. Т. 2. P. 37–58.
- ¹⁰ “Историческое Зерцало” цит. по: *Speculum quadruplex sive Speculum majus.* Graz, 1964–1965. Т. 4 (fac-sim. de l’éd. Douai, 1624). Мы приводим “Послание к Рустикю” в русском переводе О.Е. Нестеровой (с незначительными сокращениями, поскольку в “Speculum Historiale” это послание воспроизводится не полностью). См.: Памятники средневековой латинской литературы VI–VII веков. М., 1998. С. 125.
- ¹¹ *Jacques Voragine.* La légende dorée. Édition critique dans la révision de 1476 par Jean Batallier, d’après la traduction de Jean de Vignay // Ed. B. Dunn-Lardeau. P., 1999.
- ¹² В прологе к “Зерцалу” Жан не называет имени адресата, упоминая лишь, что этот перевод посвящен знатной даме королевского рода. В прологе к переводу “Золотой легенды” он сообщает, что перевел “Зерцало” по просьбе французской королевы Иоганны Бургундской. Вопрос об адресате “Зеркала” обсуж-

- дался неоднократно. Л. Брэн и М. Каванья считают, что работа над переводом “Speculum historiale” велась приблизительно в 1315–1332 гг. (Brun L., Cavagna M. Op. cit.). Таким образом, речь может идти как о королеве Иоганне Бургундской (1317–1322), супруге Филиппа V, так и о королеве Иоганне Бургундской (1328–1348), супруге Филиппа VI. К. Ноуэлз предполагает, что перевод “Зерцала” был посвящен супруге Филиппа VI (Knowles C. Op. cit. P. 359–361); Л. Брэн и М. Каванья считают, что перевод скорее мог предназначаться супруге Филиппа V. Наше исследование показывает, что пролог к “Зерцалу” писался в то время, когда работа над переводом была завершена или близилась к завершению. В самом деле, Жан де Винье, вероятно, перевел ко времени написания пролога книги 16, 18 и 28 (флорилегии Иеронима, Августина и Бернарда Клервоского); напомним, что “Speculum Historiale” насчитывает 31 книгу. Кроме того, едва ли можно предположить, что переводчик начинал свой труд с написания пролога и тем более — с посвящения, еще не приступив к работе над самим переводом. Таким образом, более вероятно, что перевод “Зерцала” был посвящен супруге Филиппа VI.
- 13 Ср.: Augustinus. “De opere monachorum”. Cap. 1, 3, 29: *PL*, t. 40, col. 549, 551, 576. В “Историческом Зерцале” тексты цитируются, как правило, со значительными сокращениями: это, так сказать, “нарезка” цитат, извлеченных из разных мест.
- 14 Aubert R. Chanoines hospitaliers de S. Jacques de Haut-Pas // Dictionnaire d’histoire et de géographie ecclésiastique. P., 1997. T. 26. P. 603.
- 15 Цитируемые в “Историческом Зерцале” фрагменты взяты из главы 14 книги I этой “Эпистола”. В Латинской патрологии автором “Эпистола” назван Гиг, Пятый великий приор Картузианского ордена. См.: *PL*, t. 184: *Cuigonis Prioris quinti majoris Carthusiae Epistola, seu Tractatus ad fratres de Monte Dei*.
- 16 “...de vraies paroles, celles Genesis de la Bible et de plusieurs autres livres canonisiez de l’eglise de Romme, sanz ajouter ne mençonges ne bourdes, fors les auctoritez et les hystoires des sains anciens peres”.
- 17 Cap. 9. De impari auctoritate eorum que excerpta sunt (гл. 9: “О неравном авторитете авторов, из сочинений которых мы сделали выдержки”) // *Lusignan S. Préface au Speculum majus de Vincent de Beauvais : réfractations et diffractations*, Montréal; P., 1979 (Libellus apologeticus, la première version). P. 125–126.
- 18 Ср.: Теперь же мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу (1 Кор, 13, 12).
- 19 О символике зеркала, а также о типах книг-зеркал и связанных с ними богословских и философских учениях см.: *Jonsson E.M. Le sens du titre Speculum aux XIIe et XIIIe siècle et son utilisation par Vincent de Beauvais // Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d’une œuvre encyclopédique au Moyen Age. P., 1990. P. 11–32; здесь же предложен термин “каторптическое зрение”. См. также расширенную версию той же работы: *Idem. Le Miroir. Naissance d’un genre littéraire. P., 1995*.*
- 20 *Jonsson E.M. Le sens du titre Speculum... P. 11–32*.
- 21 *Lusignan S. Op. cit. P. 117*.

- 22 “Remedia amoris”. I, v. 139: “*Otia si tollas, periere Cupidinis arcus*” (“Если избудешь ты лень — посрамишь Купидоновы стрелы”; пер. М. Гаспарова).
- 23 Le Livre de Politiques d’Aristote / Éd. A.D. Menut // Transactions of the American Philosophical Society. 1970. 60/6. P. 44–45. Ф. Берье приводит другие подобные примеры: *Bérier F. Traduction en français // GRLMA. Heidelberg. 1988. 8/1. P. 240*.
- 24 См.: *Schuler S. Excerptoris morem gerere. Zur Kompilation und Rezeption klassisch-lateinischer Dichter im ‘Speculum historiale’ des Vincenz von Beauvais // Frühmittelalterliche Studien. 1995. V. 29. P. 315–322*.
- 25 В издании “Speculum Historiale” 1624 г. многие цитаты из классических поэтов были существенно расширены сравнительно с оригиналом, которым располагал Жан де Винье, — тот, кто готовил к печати позднее издание, вне всякого сомнения, стремился сделать эти цитаты более понятными; кроме того, число цитат из античных поэтов здесь заметно возросло. К такому выводу нас подводит сравнение флорилегия “Miroir historial” и более ранней рукописи “Speculum Historiale” (В.М. Douai 797; цитаты из античных поэтов, вошедшие в эту рукопись, полностью исчислены в статье С. Шулера: *Schuler S. Op. cit. P. 345–348*). Флорилегий из античных поэтов, включенный в рукопись В.М. Douai 797, и флорилегий, переведенный Жаном де Винье, по составу почти полностью совпадают. М. Помье-Фукар и М.К. Дюшен отмечают, что для “Галльского флорилегия” (использованного Винцентом) и других ранних флорилегиев характерно включение кратких цитат; для флорилегиев эпохи схоластики — более длинных отрывков, обладающих внутренней логикой. См.: *Paumier-Foucart M. avec la collaboration de M.-C. Duchenne. Op. cit. P. 343*.
- 26 “Florilegium gallicum” (XII в.) представлял собой собрание прозаических и стихотворных отрывков. О его составе, происхождении (Орлеанский университет), распространении, влиянии см.: *Rouse R.H. Florilegia and Latin Classical Authors in Twelfth and Thirteenth Century Orléans // Viator. Medieval and Renaissance Studies. 1979. V. 10. P. 136 ff*. Б. Ульман показал, что Винцент использовал определенную рукопись этого флорилегия: BN Lat. 17903 (*Ullman B. Classical Authors in Certain Medieval Florilegia // Classical Philology. 1932. T. 27. P. 1–42*). О типах флорилегиев и способах классификации цитат, распространенных в XII в., см.: *Munk Olsen B. Les classiques latins dans les florilèges médiévaux antérieurs au XIIIe siècle // Revue d’histoire des textes. 1979. T. 9. P. 47–121 (“Florilegium Gallicum”: P. 76–83); продолжение статьи: 1980. T. 10. P. 115–164*. См. также: *Paumier-Foucart M. Les flores antiques et médiévales dans le Speculum historiale // Spicae. Cahiers de l’atelier Vincent de Beauvais. 1978. N 1. P. 31–70*. Об особенностях собрания “цветочков” из античных поэтов, включенных в “Speculum historiale”, см.: *Schuler S. Op. cit. P. 312–348* [указывает номера стихов Овидия, Горация, Вергилия, Ювенала, Персия, цитируемых в “Speculum Historiale” (по рукописи В.М. Douai 797)].
- 27 Здесь и далее “Искусство поэзии” Горация цит. в переводе М. Дмитриева (за исключением стиха 376).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Alexander Gallus. Doctrinale puerorum. Cum commento (Ludov. de Guaschis). Venetiis, Manfr. de Bonellis de Monteferato, 1482.

1) Scribere clericulis paro doctrinale novellis (a)

(a) Hic textus est planius, non indiget explanatione. Scilicet tamen pro forma servanda in sequentibus sic construe. Ego magister Alexander paro scribere doctrinale, id est librum; darem doctrinam novellis clericulis, id est scolaribus. Quasi dicat: non pro provectis hoc opus conscribitur, sed pro rudibus.

Пишу учебник для юных клириков, начинающих образование (a)

(a) Здесь текст понятен и в объяснении не нуждается. Далее, однако, нужно, сохраняя грамматические формы, расставить слова следующим образом: Я, магистр Александр, пишу учебник, то есть книгу; преподаю науку юным клирикам, то есть школярам. Как если бы он сказал: этот труд написан не для преуспевших в учении, а для несведущих.

2) Si pueri primo nequeant attendere plene, (e)

Hic tamen attendat qui doctoris vice fungens
Atque legens pueris layca lingua reserabit
Et pueris etiam pars maxima plana patebit.

(e) Quia superius dixit pueros hunc librum lecturos et pro illis eundem scribere, ideo tacite respondens quaestionem, sic dicit. Si pueri novelli nequeant prima lectione attendere seu hunc librum intelligere, attendat ille qui est vice fungens doctoris, id est repetitor, vel magister lecturus. Multaque perlegens, hunc librum pueris reserabit, id est declarabit eisdem lingua layca, id est vulgari. Postea non erit magna difficultas in libro. Quia sicut magistro maxima pars libri patebit plana, id est manifesta et clara erit pueris.

Если сначала ученики не смогут понять то, что читают, (e)

Пусть поймет тот, кто состоит в должности наставника,

И прочтет ученикам, разъясняя им прочитанное на народном языке,

Тогда и ученикам многое станет понятным.

(e) Так как выше он сказал, что эту книгу будут читать юные ученики и что он написал ее для них, поэтому, косвенно отвечая на вопрос, говорит так: если начинающие ученики при первом чтении не смогут понять, то есть уразуметь, эту книгу, пусть поймет ее тот, кто выполняет роль наставника, то есть репетитор или читающий вместе с ними учитель. Человек многознающий, он откроет смысл этой книги ученикам, то есть растолкует на языке народном, то есть простом; после этого чтение книги не составит для них труда. Поскольку книга в основном станет ясной учителю, и для учеников многое откроется и объяснится.

2. Terentii comediae sex, a Guidone Juvenale explanatae, et a Jodocho Badio, cum annotationibus suis recognitae. Lyon, Trechsel, 1493; BN: RES-M-YS-384. (Редакция Каллиопа). "Девушка с Андроса", IV, 4, ст. 747–754. Хремет, Мисида, Дав. В правой колонке цитируется перевод А.В. Артюшкова.

Mi. Cur tute obsecro hic me solam...	Мисида: Да ты чего ж меня одну тут...
Da. Nem, quae haec est fabula?	Дав: Э-ге-ге!
Eho, Misis, puer hic unde est?	Что это за история? Мисида! Эй!
quisve huc attulit?	Откуда здесь ребенок? Кто принес его?
Mi. Satin sanus es, qui id me rogites?	Мисида: В уме ли ты? Меня об этом спрашивать!
Da. Quem ego igitur rogem,	Дав: Кого ж еще спросить мне?
qui hic neminem alium videam!	Никого кругом не вижу.
Chre. Miror unde sit.	Хремет: Удивляюсь я, откуда он.
Da. Dicturan es quod rogo?	Дав: Ответишь ли на мой вопрос?
Mi. Hau!	Мисида: Ох!
Da. Concede ad dextram.	Дав (тихо): Стань правей.
Mi. Deliras? non tute ipse...	Мисида: Ты спятил? Да не сам ли ты...
Da. Verbum si unum mihi unum	Дав (тихо): Попробуй лишь хоть слово
praeterquam quod te rogo faxis, cave!	мне сказать не на прямой вопрос!
Mi. Maledicis...	Мисида: Бранишься...*

[*Бранишься...: в современных изданиях Теренция это слово произносит Дав]

Глосса

Mi.: Obsecro, id est quaeso et per sacra rogo te, cur tute, id est tumet; reliquisti (supple), me solam hic. Da.: Hem, interjectio dolentis et indignantis. Quae est haec fabula, id est quae sunt haec nugae, — quasi principium rationemque ignoret. Eho, interjectio aut animi adversionem poscentis aut repente cernentis. Misis, unde hic puer est, quisve attulit eum huc. Mi.: Satin, id est satis ne sanus es; quasi diceret tu es bene fatuus et insanus quia rogites, id est interrogas me id; quoniam rogo duos regit accusativos. Da.: igitur quem ego rogem, id est interrogare possim qui neminem alium videam hic. Chr.: Miror, id est nescio unde sit. Miror veteres cum uno pro nescio ponebant. Nam admiratio ab ignorantiam descendit. Da.: Dicturan, id est dictura ne es id quod rogo, id est peto. Mi.: Hau, interiectio consternatae mulieris. Da.: Concede, id est conferte, veni ad dexteram. Mi.: deliras, id est devias, desipis, insanis, non es mentis compos. Non: quasi diceret ita tute, id est tumet dedisti scilicet mihi puerum hunc, sed tacuit illud per aposiopesis tertiam propter scilicet interruptionem factam a Davo ne mulier prodat eum. Da.: Cave si faxis, id est facias mihi unum verbum preterquam, id est nisi illud quod rogo te. Mi.: Maledicis, id est minaris. Posuit enim hic pro comminatione...

Мисиды: Умоляю, то есть вопрошаю и спрашиваю тебя, призывая на помощь святыни, почему же ты, то есть ты сам — добавь: "оставил", — меня здесь одну. **Дав:** А! — междометие, выражающее боль и возмущение. Что это за басня, то есть что за ерунда; он говорит, как если бы совершенно не знал о сущности происходящего и его причинах. Эге! — междометие, которое произносит спрашивающий, что замыслил другой, или что-то недавно заметивший. Мисиды, откуда этот мальчик и кто его принес сюда. **Мисиды:** Да ты не... — то есть в своем ли ты уме? Как если бы сказала: ты совсем ополоумел и рехнулся, коли спрашиваешь или вопрошаешь меня об этом; глагол "rogo" управляет двумя аккузативами. **Дав:** Кого же мне спрашивать, то есть кого мог бы расспросить, если никого другого здесь не вижу. **Хремет:** Дивлюсь, то есть не пойму, откуда он здесь. Древние употребляли глагол "дивиться" в значении "не понимать", ведь восхищение происходит от незнания. **Дав:** Да скажешь ли, то есть не собираешься ли ты сказать то, о чем спрашиваю, то есть то, о чем тебя прощу. **Мисиды:** Ох! — междометие, которое произносит испуганная женщина. **Дав:** Отступи, то есть отойди, встань правее. **Мисиды:** Ты бредишь,

то есть спятил, рехнулся, помешался, не в своем уме. "Не": как если бы сказала: "Разве не...?" То есть ты сам дал мне этого младенца; однако об этом она в третий раз смолчала из-за того, что Дав просил ее его не выдавать. **Дав:** Ну, если скажешь! То есть: попробуй у меня сказать хоть одно слово, кроме того, о чем спрашиваю! **Мисиды:** Бранишься, то есть пугаешь. Этот глагол Теренций употребил в значении "угрожать"...